

Красавица и чудовище

**И несколько других
старофранцузских сказок**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.102
К77

К77 Красавица и чудовище: И несколько других старофранцузских сказок / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 221 с.

ISBN 978-5-458-09800-7

Иллюстрации Эдмонда Дюлак. Санкт-Петербург : книгоиздательства А.Ф. Девриен, 1913.

ISBN 978-5-458-09800-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ВОЛШЕБНАЯ страна — страна чудесъ, говорить Е. Pilon вначалѣ своего предисловія къ французскому изданію этихъ сказокъ.—Въ ней живутъ подвижныя, своевольныя феи, и, принимая всевозможные образы и формы, онѣ то появляются передъ людьми, то вновь исчезаютъ. Есть феи до того крошечныя, что могутъ избрать себѣ жилищемъ орѣховую скорлупу, горчичное зерно или норку сверчка подъ очагомъ; но есть также волшебницы огромныя и страшныя: вырастая внезапно передъ ошеломленнымъ человекомъ, онѣ дѣлаются все больше и больше, и,

Предисловіе.

становясь выше горныхъ вершинъ, заслоняють собой солнце и бросаютъ густую, непроницаемую тѣнь. Есть волшебницы злыя и уродливыя: волненіе и страхъ охватываютъ всякаго, кто повстрѣчается съ ними. Но есть феи съ такими ясными, очаровательными лицами, такой плавной, граціозной походкой, свѣтлой улыбкой, густыми, волнистыми волосами, съ такими дивными устами,— что нельзя безъ восторга смотрѣть на нихъ. Прекрасныя или отвратительныя, обаятельныя или ужасныя.— всѣ онѣ повелѣваютъ людьми и явленіями природы...

Могуча и сильна семья этихъ добрыхъ и злыхъ духовъ, и всѣ народы должны подчиняться ихъ волѣ и совѣтамъ какъ въ добрѣ, такъ и во злѣ. Одаренныя сверхъестественной силой, феи могутъ то превращаться въ журчащій ручей, воды котораго несутъ гибель мучимому жаждой, усталому путнику; то засіять яркой, мерцающей звѣздочкой передъ заблудившимся ребенкомъ и вывести его на вѣрный путь изъ непроходимаго,

Предисловіе.

мрачнаго лѣса. Но, властвуя надъ людьми, эти могучіе духи въ то же время и зависятъ отъ нихъ. Ни волшебная сила, ни способность къ превращеніямъ не могутъ избавить ихъ отъ этой зависимости, и какъ дѣйствія, такъ и образъ жизни ихъ вполне подчинены обычаямъ и природѣ родной страны. Такъ „Баба-Яа Костяная Нога“ русской народной сказки не только разнится своимъ видомъ отъ старой французской волшебницы, сыгравшей столь злую шутку съ родителями очаровательной „Спящей Красавицы“, но и условія ея жизни совсѣмъ иныя: климатъ ея родины суровъ, зима жестока—она не можетъ жить, какъ ея французская сестра, въ старой, полуразвалившейся башнѣ, открытой для вѣтровъ и непогоды, — ей нужна избушка (на курьихъ ножкахъ). Врядъ ли грубоватыя шутки всѣмъ извѣстнаго горнаго духа Rübezahl'я, которыми такъ восторгаются рудокопы и угольщики Рудныхъ Горъ Силезіи, вызвали бы то-же восхищеніе въ другой странѣ. Тѣмъ же горнымъ, суровымъ жителямъ были бы совершенно

Предисловіе.

чужды и непонятны изысканное краснорѣчіе и удивительная изобрѣтательность ловкаго Chat botté.

Въ сказкахъ отражается душа народа, духъ природы страны. Вѣдь сказка не является плодомъ фантазіи отдѣльной личности; зарождаясь, она переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, и во время ея постепеннаго развитія, на нее налагають свою печать какъ культурныя, такъ и историческія событія страны. Лишь много позднѣе стали собирать сказки и излагать ихъ такъ, какъ мы ихъ видимъ въ печати въ настоящее время. Теперь гораздо труднѣе и отвѣтственнѣе касаться этого изложенія, чѣмъ много столѣтій тому назадъ, когда сказки были въ періодѣ возникновенія и передавались изъ устъ въ уста, при чемъ одна и та же сказка различно рассказывалась у разныхъ народовъ: была ли „Золушка“ романскаго или германскаго происхожденія — трудно теперь установить. Каждая нація передаетъ сказку на свой ладъ, придавая ей тѣ или иныя, свойственныя ей, характерныя черты и налагая, такимъ

Предисловіе.

образомъ, на создавшійся разсказъ печать народной сказки.

Извѣстный иллюстраторъ Edmond Dulac поставилъ себѣ задачей придать своими рисунками новое обаяніе четыремъ наиболѣе популярнымъ старо-французскимъ сказкамъ. Названія ихъ хорошо всѣмъ знакомы: „*Красавица и Чудовище*“ — Madame de Beaumont, „*Синяя Борода*“, „*Золушка*“ и „*Спящая Красавица*“ — изъ сборника сказокъ Charles Perrault „*Contes de ma mère l'Oye*“.

Madame Pauline de Beaumont, французская писательница середины XVIII вѣка, слѣдовательно, эпохи Людовика XV, текстомъ которой къ „*Красавицѣ и Чудовищу*“ мы руководствовались, сдѣлалась безсмертной у французской молодежи, благодаря почти исключительно этой сказкѣ. Другія ея романтическія произведенія давно уже преданы забвенію. Въ виду того, что эта сказка, какъ и „*Синяя Борода*“ (изъ сборника Perrault), не носитъ на себѣ яркаго отпечатка времени и характера общества „Ancien Régime“, художникъ

Предисловіе.

далъ свободный полетъ своей фантазіи и смѣло перенесъ дѣйствіе въ страну чудесъ, на далекій Востокъ. Мы думаемъ, что читатель согласится съ нами, если страшному „Синей Бородѣ“ будетъ отказано въ правахъ гражданства въ культурныхъ странахъ, а милыя читательницы, конечно, ничего не будутъ имѣть противъ того, если мы признаемъ любопытство — порокомъ исключительно Востока.

Что касается сказокъ „Золушка“ и „Спящая Красавица“, то врядъ ли существуетъ уголокъ культурнаго міра, гдѣ бы дѣти не читали ихъ съ интересомъ и восторгомъ. И все же мы должны сказать, что въ изложеніи Perrault онѣ имѣютъ особую прелесть: онѣ придалъ своимъ сказкамъ не только отличительныя черты своего народа, но отразилъ въ нихъ нравы и характеръ цѣлаго общественнаго класса — французской аристократіи XVII столѣтія. Вспоминая о высшихъ классахъ Франціи отъ эпохи Людовика XIV до временъ великой революціи, мы соединяемъ понятіе о

Предисловіе.

нихъ съ представленіемъ объ эlegantности, изысканныхъ (хотя нѣсколько неестественныхъ) манерахъ, утонченномъ вкусѣ въ образѣ жизни и въ выборѣ предметовъ обстановки. Вся Европа покорялась тогда французскому вкусу; всѣ европейскіе властители старались во всемъ подражать двору Людовика XIV.

Ch. Perrault (1628—1703) былъ въ свое время важной особой въ этой средѣ. Кольберъ назначилъ его секретаремъ „Академіи надписей“, а потомъ контролеромъ „Публичныхъ работъ“. Занимая эту должность, онъ поручилъ брату своему, архитектору Claude Perrault, постройку фасада Лувра и обновленіе его колоннадой. Въ поэмѣ „Le siècle de Louis le Grand“, онъ восторженно восхваляетъ своего короля-солнце и его эпоху, которую онъ ставитъ выше всѣхъ предыдущихъ. Поэма, какъ таковая, имѣла мало успѣха, но утвержденіе, что время Людовика XIV—величайшее во всей исторіи, и что его современники такъ же велики, если не выше древнихъ, возбу-

Предисловіе.

дило массу споровъ. Boileau, Racine и La Bruyère оказали ему честь выступить оппонентами и побудили его развить свою парадоксальную идею въ книгѣ діалоговъ „Parallèles des Anciens et des Modernes“. Но лучшимъ отвѣтомъ Perrault своимъ оппонентамъ было вѣжливое замѣчаніе, что писатели напрасно оспариваютъ превосходство современниковъ, такъ какъ ихъ собственные труды являются лучшимъ доказательствомъ ихъ величія.

Мы видимъ, насколько Perrault былъ близокъ ко двору Людовика XIV—центру умственного движенія того времени. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что на его произведеніяхъ лежитъ отпечатокъ характера жизни придворнаго круга современной ему эпохи. Онъ записывалъ сказки въ свободное время со словъ старушки-няни своего сына; и этотъ-то совершенно случайно возникшій сборникъ сказокъ долженъ былъ въ послѣдствіи увѣковѣчить его имя. Таковы иногда бываютъ пути литературной славы!..

Предисловіе.

Принцы и принцессы Perrault, являются ли они таковыми по своему рожденію, или дѣлаются ими въ силу различныхъ счастливыхъ случайностей,—дѣйствительно *настоящіе* принцы и принцессы. Его „*Спящая Красавица*“ остается маленькой, избалованной принцессой во всѣхъ обстоятельствахъ жизни—даже тогда, когда она впадаетъ въ продолжительный, смерти-подобный сонъ. Она не можетъ (какъ въ нѣмецкой сказкѣ) лежать сто лѣтъ въ суровой, недоступной, мохомъ поросшей башнѣ, закрытой дикими зарослями терновника и шиповника, и ждать, прихода „сильнаго и смѣлаго рыцаря, который не боится никакой опасности и мечомъ прокладываетъ къ ней дорогу“. Нѣтъ! Для нея тотчасъ готовится въ самомъ лучшемъ покоѣ дворца великолѣпное, мягкое ложе, а добрая фея заботится даже о томъ, чтобы развлекать ее чудными снами. *Принцъ* тоже является избранникомъ судьбы: ему не къ чему напрягать свои силы; острые шипы дикихъ розъ не рвутъ въ клочья его платья въ то время,

Предисловіе.

какъ онъ направляется къ дивной красавицѣ, — ему вѣдь покровительствуютъ волшебницы, а потому передъ нимъ разступаются терновые кусты, и покорно развивается плющъ. Какъ человѣкъ высшаго круга, онъ находитъ нужнымъ освѣжиться послѣ долгаго пути и принимаетъ ванну, раньше чѣмъ итти будить спящую дѣвушку. И не звучить ли въ первыхъ словахъ *Принцессы*, при ея пробужденіи, тонъ маленькой, нетерпливой аристократки, когда она, съ легкимъ упрекомъ, говоритъ *Принцу*: „Est-ce vous, mon Prince? Vous vous êtes bien fait attendre!“

Прелестная „Cendrillon“ также не походить на нѣмецкую „Aschenbrödel“, изъ сборника сказокъ братьевъ Гриммъ. Тамъ—примѣрная, работающая дѣвушка, прилежаніе и любовь къ труду которой должны быть непременно вознаграждены; то же, что крошечная хрустальная туфелька приходится по ногѣ этой стойкой, трудолюбивой дѣвушкѣ, — можетъ быть отнесено къ чудесамъ сказочнаго царства. Здѣсь — дочь дво-